

От Любови 20
23.1.35г. 11

Иосиф Виссарионович!

Слов нет сказать, как стыдно и больно, что Вы могли подумать, что я умышленно обманывала Вас - ручаясь за политическую чистоту Каменева.

Я переоценила свою бдительность, свое политическое чутье и не сумела разобраться, когда он снова начал обманывать партию. Он обманул и меня.

Я и сейчас точно не знаю, в чем конкретно заключается его новая измена партии, но приговор суда и его покаянное письмо ко мне от 17.1 подтверждают, что какая-то грязь была на его совести...

Очень прошу Вас прочесть письмо Каменева и мой ответ, которые прилагаю - Вы увидите, что я не обманывала Вас, а была сама обманута!

От горечи и стыда я не могла смотреть Вам в глаза эти дни - даже спрятала в стол Ваш портрет. Теперь, ответив Каменеву, как он того заслуживает - я почувствовала себя менее виноватой перед Вами.

Поэтому и решаюсь снова обратиться к Вам с просьбой - если только Вы не лишили меня совсем Вашего доверия.

Моск.Обл.партколлегия исключила меня из партии "за потерю революционной бдительности, защиту контр-революционера Каменева и отстаивание его невиновности и непричастности к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группе". Отстаивала теперешнюю невиновность К. в антипартийной работе - я только на партколлегии. В остальном же я выполняла

как и всегда, свой долг по разоблачению всей контрреволюционной зиновьевской группы, роли Каменева в ней и преемственности их прошлой деятельности, с ужасным злодейством.

Я не успела получить и выписку из п/к, как НКВД сообщил мне о высылке меня из Москвы с запрещением жить в Ленинграде, Украине, Белоруссии.

Все это мною совершенно заслужено.

Но я все же обратилась в КПК и умоляю Вас, Иосиф Виссарионович, об оставлении меня в партии - ради всей моей чистой и незапятнанной работы в партии до сих пор.

Я прошу также разрешения продолжать работу над изд. ГАИМК "а" "История женщины" - целью которого является создание памятника движению "миллионов и миллионов трудящихся женщин" по пути, указанному Энгельсом, Марксом, Лениным и Вами и победоносно завершонном под Вашим руководством в стране победившего социализма.

Иосиф Виссарионович! Независимо от того, останусь ли я в рядах партии или буду вне ее - вся моя жизнь до последней капли крови принадлежит партии и Вам.

Татьяна ГЛЕБОВА.

Иосиф Виссарионович!

Слов нет сказать, как стыдно и больно, что Вы могли подумать, что я умышленно обманывала Вас - ругать за пошлячество пестоту Каменева.

Я переоценила свою здравствость, свои пошляческие чувства и не сумела разобраться, когда он снова начал обманывать партию. Он обманул и меня.

Я и сейчас точно не знаю, в чем конкретно заключается его новая измена партии, но автор суда и его покаянное письмо ко мне от 17/1 - подтверждают, что такая же грязь была на его совести...

Очень прошу Вас прочесть письмо Каменева и мой ответ, которые прилагаю - Вы увидите, что я не обманывала Вас, а была сама обманута!

От пороги и стыда я не могла смотреть Вам в глаза эти дни - дайте справку в фонд Ваш порокрет. Теперь, отвечив Каменеву, как

14-06
нов и миллионов трудящихся женщин" по
пути, указанному Лениным, Марксом, Сталиным
и Вами и победоносно завершено под
Вашим руководством в стране победившего
Социализма.

Иосиф Виссарионович! Независимо
от того останется ли я в рядах партии
или буду вне ее — вся моя жизнь до
последней капли крови принадлежит
партии и Вам.

Татьяна Любова

Таня, любимая, вчера ночью кончился процесс. Перевернулась и закрылась целая полоса жизни. Ты знаешь приговор. Он мягок, слишком мягок. Я об"ясняю его тем, что партия и суд поверили тому, что я уже раньше уходил и рвал с Зиновьевцами, и тем, что мне удалось в своей речи на суде выразить тот действительный ужас и то глубочайшее отвращение, которые охватили меня, когда я должен был оглянуться на нашу "действительность" за 10 лет, на то, что мы сделали с собой и что мы сделали с людьми. Нельзя представить себе ничего более ужасного чем то, что сидело на скамье подсудимых. Это было действительно гнилое ведро исторических отбросов революции, картина полного идейного и морального разложения. Эти два дня на суде меня трясла лихорадка - не страха, ты поверишь. - а отвращения к себе, к Зиновьеву, к своим и его бывшим друзьям, к итогам нашей деятельности. Ощущение такое, как будто тебя заставляют глотать содержимое помойного ведра, а это содержимое плоды твоей "исторической" работы. Без суда я, вероятно, никогда бы так живо и глубоко не ощутил бы этого. И за это я глубоко благодарен суду. Это была жестокая операция, но единственно спасительная. Какое счастье, что нас не отправили просто административным путем в ссылку, а заставили пройти через это испытание и чистилище. Тебе я могу сказать и ты поверишь, что к концу у меня было такое состояние отвращения к себе, что я абсолютно спокойно принял бы приговор к расстрелу и спокойно пошел бы под пулю, которая прекратила бы это ощущение искаженной жизни своей и своих "политических" друзей. Я не готовил своей речи и не обдумывал ее. Не мог. Я просто говорил то, что чувствовал, выливая накопившуюся боль за себя, за Бакаева, за Шарова, за Куклина, за за бывших прекрасных пролетариев, которых мы завели в болото. Передо мной на стене висели портреты Ленина и Сталина. Мне, понимаешь, было глубоко стыдно перед ними - и, говоря, мне только хотелось очиститься перед ними, - а там пусть будет, что будет. Мне был глубоко безразличен приговор, но я чувствовал, что с каждым словом правды, которую я говорю, я дышу глубже, воздух становится чище, я выздоравливаю - политически, конечно. Верь каждому слову, которое я сказал. Помнишь, в день похорон Ленина, перед его портретом мы вдвоем дали друг другу слово служить его заветам. Я вспомнил это на суде. Ты спаслась от заразы, которая была так близко. Помогла тебе твоя честная натура, твоя чистая вера в партию, твое постоянное общение с рабочими, наконец, работа. Представь же мое состояние, когда я вспомнил эту нашу клятву на суде, перед портретом Ленина, обвиняемый и справедливо в том, что последствием моего поведения за 10 лет был труп Кирова и принужденный наблюдать всю эту разложение, к которому пришли все те, с которыми я провел эти 10 лет. Зиновьев был жалок, а остальные мучительно-беспомощны, никто не мог найти в себе ни одного слова ни одного звука в свое оправдание, хотя бы не политического, хотя бы только морального. Бакаев говорил, что он прожил эти 10 лет под гипнозом. Кто-то другой, что мы были или дураки или сумасшедшие, третий - и дураки и сумасшедшие. Вот итог.

Танюша, ты коммунистка, все время остававшаяся честной и верной слугой партии. Ты полюбила меня, когда я еще был таким же и даже одним из руководителей партии. Я не имею никаких сейчас права рассчитывать ни на твою любовь ни на твое доверие. Ты вы-

берешь сама, конечно, твой путь дальше. Но самый приговор свидетельствует, что партия даже в этот ~~важный~~ момент не потеряла окончательно надежд на мое политическое оздоровление. И я прошу тебя - не будь ко мне суровее, чем партия, если сможешь. Не лишай меня окончательно своего доверия. Не бросай меня, как не бросила меня партия. Партия не запретит тебе сохранить некоторую веру в меня и некоторую надежду на мое оздоровление. Сейчас вот это сознание, что партия отнеслась ко мне милостиво, не окончательно отняла от меня свою руку поддержки - единственно дает мне силы. Я хочу, могу и буду еще работать, хотя бы в 4 стенах. И для меня было бы великим счастьем знать, что и ты не ~~еще~~ окончательно отошла от меня, не отнимаешь окончательно своей руки от меня, что я могу тебе сказать не "прощай", а - "до свидания".

Таня, сыну нашему, вероятно, до сих пор говорят, что его папа уехал в командировку или заболел или что-нибудь подобное. Надо сказать ему теперь правду. Хуже будет, если он узнает ее не от тебя, а в детском саду. В нашей стране и шестилетние ребята, как Волик, не могут не воспитываться в правде, как бы сурова она ни была. Ты - коммунистка и умница. Ты найдешь нужные слова. Скажи ему, что я долго и честно служил партии, что я потом наделал ошибок, нарушил их дисциплину, проявил упорство и что партия наказала меня, но что я исправлюсь и мы с ним еще увидимся и будем вместе читать, что он должен хорошо учиться, строго соблюдать дисциплину, быть всегда правдивым, чтобы не делать таких ошибок как я. Передай мой привет Игорю и скажи ему, что я прошу его продумать мой горький опыт и быть честным и достойным комсомольцем. Я пишу также Александру и Юрику. Пусть Александр даст тебе прочесть это письмо. ~~Мне~~ сказали, что теперь будут возможны свидания. Все время я был окружен самым внимательным отношением со стороны работников НКВД., которые умеют проявить поразительное сочетание самого строгого выполнения своего долга с глубоко-человечным отношением. Они много помогли мне достойно пережить эти дни. Ты знала и любила, как и я, Феликса Эдмундовича. Я убедился, что дух его жив и ~~жив~~ проникает всех работников созданного им учреждения. Ты поймешь все значение и всю ~~вн-~~боту этого определения, ибо Феликс был одним из самых светлых и прекрасных воплощений человека и коммуниста.

Целую тебя, друг мой, и жду твоего решения. От всего сердца обнимаю сыновей. Поклонись бабушке.

Твой Л.К.

17. 1. 35.

Р.А. Я хочу написать так же Алексею Максимовичу. О содержании письма ты узнаешь от него.

Я не делаю из этого письма личной тайны. Можешь показывать его всякому, кто интересуется мной. Я даже хотел бы, чтобы его прочли все те, которые меня знали, среди которых я жил.

Л.К.

22 января 1935 г.

Лева !

Не такого письма ждала я от тебя, изнемогая бессонными ночами от стыда и отчаянья. При той высокой оценке, какую ты сам же даешь моей партийной честности, я имела право рассчитывать прежде всего на раз"яснение того, как случилось, что ты ОПЯТЬ ОКАЗАЛСЯ В РЯДАХ ЗИНОВЬЕВЦЕВ.

Правда, ты с глубочайшим отвращением пишешь о "помойном ведре зинovieвской группы". Но, разве это для тебя НОВОСТЬ? И разве партия не давала контрреволюционной деятельности вашей группы гораздо более резкой характеристики, с которой ты не раз всенародно соглашался?

Помойное ведро - вещь неприятная, но полезная.

Здесь же история продемонстрировала гнездо ядовитых гадюк худших и опаснейших из контрреволюционеров, поразивших партию в самое сердце - и когда? - в час победы, на пороге бесклассового общества. И этот удар - только отражение ударов, нанесенных вашей группой партии и революции в X-ую Годовщину Октябрьской Революции перед лицом советского и международного пролетариата, на глазах иностранных рабочих, с"ехавшихся тогда к нам, со всего мира, чтобы принять участие в торжестве победоносного пролетариата. Тех ударов, которые вы наносили рабочему классу попытками организовать "смычки" в рабочих жилищах пытались противопоставить рабочий класс его собственной партии.

Напрасно ты скорбишь о "честных пролетариях", соблазненных вами. Честных пролетариев вам соблазнить не удалось. Ты бы лучше обратил внимание на выступление Евдокимова, пытавшегося скрыть свою гнусную контрреволюционную харю за твоей широкой, но мягкотелой спиной. Но, суда ему обмануть не удалось и он получил по заслугам... А я то была так уверена, что у тебя с этими людьми все давно и навсегда покончено!!

Ведь, я была уверена, что твой арест вызван надеждами, которые николаевская шайка возлагала на вас с Зиновьевым в своих грязных и преступных планах, т.е. что он носил, так сказать - профилактический характер. По данным обвинительного акта ты, как будто подтверждал мою оценку, признав себя виновным в задержке разрыва с Зиновьевым из за проклятого дачного сожительства и в недостаточно активной борьбе "с тем разложением, которое было последствием борьбы с партией и на почве которого могла возникнуть и осуществить свое преступление шайка бандитов из подонков б. антипартийной организации..." и подчеркнув, что с 1932 года ты не причастен контрреволюционным делам.

А теперь ты пишешь мне о суде: "С каждым словом правды, что я говорю, я дышу глубже, воздух становится чище, я выздоравливаю политически."

Что ж это значит? Значит - до СУДА ты был БОЛЕН? Значит, до этого - ты ЛГАЛ?

А я то верила тебе! Ручалась за твою искренность и честность своей партийной честью и жизнью - и кому? - партколлегии, тов. Ягоде, - самому Сталину!!

Значит, я обманула всех ? Ты снова предал партию ?
Предал также и меня - твоего верного друга и товарища?

И после этого ты решаешься снова просить меня о доверии!

Ты захлебываешься от умиления перед воспитательным воздействием советского суда... но, ведь, оно давно оценено по достоинству даже интуристами!

Значит тебе нужен был военный суд, чтоб понять элемент политграмоты - необходимость искренности и честности для партинца ?

Так чтож такое ты скрыл от партии, скрыл и от меня?

Ответа на это в твоём письме нет.

Ответ на это дал суд - пятилетним тюремным заключением. Так карает советская власть только тяжких преступников. А ты начинаешь письмо с утверждения, что суд был "мягок, слишком мягок"... Каково же твое преступление ? - Ты в письме об этом умалчиваешь.

И после этого ты еще ждешь от меня доверия ?

Я
- ДВЕНАДЦАТЬ лет проявляла к тебе доверие и беспредельную преданность. Но, напрасно ты напоминаешь мне о клятве, которую мы с тобой давали - вместе со всею партией, со всею страной - над гробом ЛЕНИНА. Ты подчеркиваешь, что я эту клятву сдержала, а ты - нет. И что же ? Если тебе не удалось увести меня с правильного пути в дни открытой политической борьбы вашей группы, - тебе удалось это сделать теперь, убедив меня в твоей теперешней непричастности к антипартийной деятельности.

И в то время, когда ты, под впечатлением военного суда, выливал последние остатки грязи со дна души - в это время я партийной честью ручалась за твою политическую чистоту... Ну, о каком же доверии может быть речь между нами теперь ?

Теперь мне понятен поступок тов. Молчанова, отбросившего свое обычное глубоко-человечное отношение, заставившего меня отдать ему партбилет до того, как я получила даже выписку из партколлегии о моем исключении и повернувшего нож мне в сердце на мою просьбу разрешить мне отнести партбилет в партколлегию: "Нет, вы отдадите партбилет сейчас и после того, как станете беспартийной - дадите нам подписку о выезде из Москвы через месяц и прочее". Через месяц, а он не захотел ждать и одного дня с партбилетом ! Ясно, что он меня считает двурушницей твоей пособницей. И партколлегия, вообще говоря отнесаясь ко мне сердечно, по товарищески, в конце концов отметила "неискренность моего поведения на партколлегии". Ну, чтож, Лева, не довольно с тебя ? Говрит все это что нибудь твоему уму и сердцу ? Где же моя клятва ЛЕНИНУ ?

Совершенно правильно исключила меня партколлегия за: "За потерю партийной бдительности, за защиту контрреволюционера Каменева и отстаивание его невиновности и непричастности к контрреволюционной троцкистско-зиновьевской" - и все это я пишу тебе в годовщину - в одиннадцатую годовщину - в день смерти ЛЕНИНА. Как пережить все это, и после того как я уж столько настрадалась ? Ты способен хоть минуту подумать о моем горе ?

Вряд ли. В личной жизни ты всегда думал только о себе и письмо твое полно только твоими переживаниями. Ни слова тревоги, боли за наше самочувствие! А, знаешь, что Игоря тоже

исключили и из комсомола и из Института "за антисоветское выступление на комсомольском собрании", где он с юношеской пылкостью вздумал защищать тебя от обвинения в причастности к злодейскому преступлению Николаева?

А подумал ли ты, что пережил Волик с его революционным сердечком, которому несколько не облегчили мои объяснения детски прямолинейных и даже жестоких выходов его друзей? И как ты мог подумать, что я ему лгу? Когда это бывало?

Ну, пусть хоть ужасной ценой, но ты, наконец, навсегда порвал с прошлым. Я хочу этому верить, ибо знаю - как, может быть, никто - что ты и от оппозиции колебался еще больше, чем от партии. Теперь же, когда революция поднялась на высоту, недостижимую никаким потрясением, когда вся страна в едином порыве строит социализм - кто, кто может противостоять ей?!

Всеобщая буря ненависти - не только к открытому злодейству николаевской шайки - но ко всякой нечистой политической игре, пронесшаяся по стране очистительным ураганом, - вот гарантия невозможности возникновения в дальнейшем сколько ни будь значительных антипартийных, антисоветских группировок.

Думаю, что вы будете иметь печальное имя "последней оппозиции в стране победившего социализма".

Именно теперь, выковывая идеологию бесклассового общества, партия будет бороться в первую очередь за КРИСТАЛЬНУЮ ЧИСТОТУ и ЧЕСТНОСТЬ НОВЫХ ЛЮДЕЙ.

Что касается наших личных отношений, ты и сам, после всех обманов, не решаешься претендовать, чтоб я оказывала тебе больше доверия, чем партия. Буду я дальше в ЕЕ РЯДАХ, или ВНЕ ИХ, для меня не может быть иного пути, чем тот, который она указывает.

Никаких театральных "прощай" или "досвиданья" я говорить тебе не собираюсь. Я простила тебе великое множество личных обид и унижений, но то, что ты теперь сделал меня обманщицей перед партией, я конечно, простить тебе не могу.

Но, так как никто кроме меня о тебе не позаботится, я сделаю все, что в моих силах, чтоб обеспечить тебе возможность полезной и планомерной работы, хотя бы пока над Пушкиным и Колоколом.

Желаю тебе сил и бодрости для преодоления разрыва между тобой и партией, в котором ты никого кроме себя не можешь винить.

Матьяна